

19. Rynduch Z. Nauka o stylach w retorykach polskich XVII wieku / Zbigniew Rynduch. – Gdansk, 1967. – 132 s.

Анотація

У статті досліджується образ проповідника в українському бароко на основі передмов до збірників казань Іоанікія Галятовського, Антонія Радивиловського, Лазаря Барановича. Як теорія питання у роботі використовуються підручники з гомілетики Августина Блаженного, Томи Аквінського, Еразма Роттердамського. Проповідник розглядається як посередник між Богом і людьми, вчитель. Його образ вивчається через самохарактеристики, формули самоприниження.

Ключові слова: проповідник, передмова, бароко.

Аннотация

В статье изучается образ проповедника в украинской барочной проповеди на основе предисловий к сборникам Иоанникия Галятковского, Антония Радивиловского, Лазаря Барановича. В качестве теории вопроса в статье используются учебники по гомилетике Августина Блаженного, Фомы Аквинского, Эразма Роттердамского. Проповедник рассматривается как посредник между Богом и людьми, учитель. Его образ изучается через самохарактеристики, формулы самоуничижения.

Ключевые слова: проповедник, предисловие, барокко.

Summary

In this article the image of the preacher in the Ukrainian baroque sermon is studied on the basis of the prefaces to the collections of sermons of Ioanyky Galjatovs'kyy, Antoniyy Radyvylovs'kyy, Lazar Baranovych. As a theory we used the homiletics textbooks written by Aurelius Augustinus, Toma Aquino, Erasmus Rotterdam. The preacher is considered as the intermediary between God and people, the teacher. This image is studied through self-characteristics, self-humiliation formulas.

Keywords: preacher, preface, baroque.

УДК 821.521'06

Прасол Е.А.,
аспирант,
Днепропетровский национальный
университет им. О. Гончара

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Японская проза, или *сьосэцу*, за последние сто лет приобрела популярность по всему миру. Представлено множество писателей, написано тома критики, во многих университетах в различных странах изучают японский язык и литературу. Однако, несмотря на возрастающую популярность японской культуры и литературы в контексте мировой культуры, японская проза в большинстве случаев остается далекой и во многом непонятной западному читателю. Произведения японских писателей XX ст. сегодня нуждаются в изучении. Радикальные изменения в политической, экономической и культурной жизни современной Японии ученые

связывают со второй половиной XX ст. – поражением Японии во Второй мировой войне и начавшиеся процессы возрождения нации.

В 1970 г. Мисима Юкио совершил попытку восстания с целью возрождения самурайских традиций и восстановления власти императора, которая не увенчалась успехом. Как известно, это неудавшееся восстание завершилось самоубийством Юкио Мисима. По мнению Алана Вульфа, это самоубийство само по себе носило постмодернистский оттенок, являясь неким постмодернистским пастишем на всю парадигму самоубийства в японской культуре в силу своей демонстративности. Вместе с тем, его смерть рассматривается как окончательная смерть японского модернистского сознания, которое искало единой сильной нации, ориентированной на военные ценности, что не соответствовало действительности послевоенной Японии [10].

По свидетельству Нагаикэ Кадзуми, национальные обстоятельства на протяжении этих 20 лет (с конца второй мировой войны и до 1970 года) были таковы, что процессы возрождения и восстановления нации все еще связывали с модернистскими принципами [6].

Некоторые исследователи считают, что постмодернизм пришел в Японию в начале 1970-х. Как и на Западе, в Японии шли процессы оформления постиндустриального общества с экономическим базисом, с которым Ф. Джеймсон, как известно, связывает появление постмодернизма. Однако вопрос о японском постмодернизме остается и в настоящее время одним из самых дискуссионных.

Александр Галиарди, Каратани Кодзин, Жак Деррида, Ролан Барт, Акира Асада, Алан Вульф и другие видные исследователи по-разному трактуют причины возникновения постмодернизма в Японии, его национальную специфику, общее и отличное в японском постмодернизме и его западных образцах. Так, А. Галиарди, предупреждая возможные возражения, заявляет, что постмодернизм – сугубо западная концепция, большинство определений которой сводятся к пониманию модернизма, что, опять-таки, является исключительно западным явлением по своей сути.

Однако формирование этого явления происходит и в странах, историко-культурные процессы которых ранее не рассматривались в мировом контексте культуры. Таким образом, нельзя исключать постмодернизм из японского культурного контекста, что, однако, не мешает считать их исконно японскими явлениями.

Если на Западе явление постмодернизма связано с претензией на смену философских парадигм, что сопрягается с глубокой и разносторонней критикой панлогизма, рационализма, объективизма и историзма, свойственных предшествующей западноевропейской традиции [14, 200], то постмодернизм в Японии рассматривается исследователем Каратани Кодзин как деконструкция модернизма (понятия западного) или, если точнее, рамок западной метафизики. Такая трактовка предполагает исчезновение субъекта, децентрацию мнимого центра, то есть те процессы, которые хорошо изучены в литературе Запада [5]: для “традиционного” западного понимания постмодернизма характерен постепенный переход от установки

“познание мира с целью его переделки” к требованию деконструкции мира. Постмодернизм полностью отказывается от стремления преобразовать мир на путях его рациональной организации, констатируя глубинное “сопротивление вещей” этому процессу. Осознание сопротивления мира связано с дистанцированием от него, с требованием перехода на позицию объекта, что приводит к полному отказу от позитивной онтологии и рассмотрению ее как абсолютно исчерпанной. Отказ от познания мира и, следовательно, его преобразования ведет к игнорированию значимости истины, к утверждению множественности и субъективности истин, к тезису о значении “понимания”, а не знания [14, 200].

В споре с Ж. Деррида и А. Асада, К. Каратани заявляет, что в Японии нет фиксированных структур, а понятие деконструкции неуместно в отношении Японии. Действительно, французский постструктуралист Р. Барт подчеркивал, что весь Дзен направлен на борьбу с “недоброкачественным смыслом”. Известно, что “буддизму удается избежать фатального пути, коим следует всякое утверждение или отрицание, ибо он рекомендует всегда избегать четырех возможных утверждений: *это есть А–это не есть А–это есть одновременно и А, и не-А–это не есть ни А, ни не-А*. Ведь эта четверичная возможность соответствует той совершенной парадигме, которую создала структурная лингвистика (*А–не-А; ни А, ни не-А (нулевая степень); и А, и не-А (сложная степень)*); иначе говоря, буддистский путь – это путь преграждения смысла: схватывание значения, а именно парадигма, становится невозможной” [12]. Однако сам факт книги Акира Асада, по свидетельству Ж. Деррида, является не просто повторением деконструктивных элементов, уже присущих философии Дзэн, но и выявляет наличие структур в Японии, которые все еще требуют критической деконструкции [7].

Как отмечают многие культурологи и искусствоведы современности, развитию мировой культуры XX века присущи две тенденции: глобализация и вестернизация, с одной стороны, и унификация, самоидентификация – с другой. Японская культура в этом отношении не является исключением, так как черты постмодернизма и возврат к национальной традиции присущи японской культуре, по мнению многих исследователей.

Появление постмодернизма в Японии хронологически совпадает с появлением культурного феномена “отаку”³³. Адзума Хироки в своей лекции “Суперплоская постмодернистичность Японии” (“Superflat Japanese Postmodernity”) высказывает предположение, что культура “отаку” является ярким проявлением национальной специфики японского постмодернизма, который часто определяется исследователем как “суперплоский” (superflat) [1]. Знаменательно, что видный японский ученый Каратани Кодзин характеризует современную японскую литературу как “легкую”, отмечая, что она обладает “легкими” словами [4]. Под легкостью Каратани Кодзин, как и другие теоретики постмодернизма, понимает не “упрощенность” и “пустоту”, а отказ от пафоса, глубины и традиционной

³³ Яп. слово, которое обозначает культурную группу, появившуюся в 1970-х гг. и включающую в себя поклонников различных японских послевоенных субкультур, напр., анимэ, манга, компьютеры, SF и проч.

содержательности. Как известно, в числе 10 черт постмодернизма Ихаб Хассан выделяет “depthlessness” и “a new kind of superficiality” с которыми соотносятся и концепции японских ученых [3]. Заметим, что и стиль Харуки Мурками ученые называют “deadpan” (обыгрывая буквальное значение “ничего не выражающий”).

Субкультуры “отаку” в какой-то степени наследует японскую традицию, “воспевая” эпоху Эдо³⁴ – период, который исследователи называют “премодернистичным”. В 1970-е годы Япония, как известно, является глубоко европеизированной и американизированной страной, для которой любая попытка возврата к традиции, по свидетельству Адзума Хироки, оборачивается провалом. То есть традиционная японская культура – культура эпохи Эдо – может существовать только в современной поп-культуре. И именно здесь и кроется парадокс, о котором и заявляет исследователь: саму японскость невозможно обнаружить без послевоенной американской поп-культуры [1]. И сколько бы культура “отаку” не наследовала бы традиции эпохи Эдо, нельзя забывать тот факт, что эта культура сама по себе была бы невозможна без влияния американской поп-культуры.

В этот же период (1970-е гг.) наблюдается рассвет “исторического романа”, жанр которого относят к массовой культуре в силу его развлекательного характера и отказа от поиска глубоких смыслов. Главной тематикой таких романов становится, опять-таки, эпоха Эдо (широко представлена в произведениях Сандзюго Наоки, Дзиро Осараги, Кёдзи Сирай, Син Хасэгава и др.). Такая смесь “премодернистского” и “постмодернистского” мировоззрений Х. Адзума объясняется попыткой “одомашнивания” послевоенной американской культуры. “В середине 80-х, – указывает исследователь, – многие японцы были обрадованы своим экономическим успехом и старались стереть болезненные воспоминания о поражении во Второй мировой войне. Возвращение к культуре Эдо было социально обусловлено” [1]. Так, японцы пытались объяснить свою постмодернистскую реальность с помощью премодернистских традиций, что, по справедливому наблюдению Н. Штаншфилд, никак не может быть примером “ориенталистских приоритетов” [8]. Эта ситуация свидетельствует о прямо противоположных процессах в культуре Японии данного периода.

Сходную точку зрения на эту проблему высказывает видный японский философ и литературовед Каратани Кодзин. Исследователь утверждает, что рассматривать современный литературный процесс в Японии невозможно без учета тех изменений, которые постигли Японию (а вместе с ней и ее культуру и литературу) во время революции Мейдзи. Проходящий тогда процесс “модернизации” Японии анализируется ученым наряду с процессом модернизации Запада. В то время, когда Япония изо всех сил перенимала культурное наследие Европы и Америки (а также – добавим – и России), стараясь за последнее десятилетие XIX века пережить всю литературную историю Европы этого столетия (романтизм, реализм, натурализм), Европа, пресытившаяся своим мировоззрением,

---

³⁴ Литература эпохи Эдо, традиционно называемая термином “гэсаку”, в эпоху Мейдзи была незаслуженно и намеренно забыта – с целью скорейшей европеизации, подражания культуре и литературе запада. Знаменательно, что “гэсаку” называют не только эдосскую литературу (戯作), но и “низкую” литературу (下作).

направленным на анализ и логическое мышление, искала на Востоке (и, в частности, в Японии) выход за рамки сложившихся на Западе философских и литературных концепций. Таким образом, Япония, перенимая новое на Западе, отходила от своих культурных и литературных традиций (речь идет о традициях эпохи Эдо), а Европа, наоборот, открывала для себя Японию именно этой эпохи, ее искусство (в частности, живопись: *укиё-э*) и литературу. В первой половине XX ст. японская литература продолжала опираться на западные концепции, что дало право исследователям говорить о модернизации литературы или, если речь заходит о таких писателях, как Я. Кавабата, Д. Танидзакки. Но уже во второй половине XX века, когда на Западе появилось такое культурное, литературное и философское направление как постмодернизм, в искусстве Японии наблюдалось возвращение к традициям эпохи Эдо. Это дает основания вышеупомянутым исследователям говорить о японском постмодернизме как о соединении западных (в частности, американских) концепций постмодернизма и премодернистских традиций японской культуры эпохи Эдо.

Как указывает Каратани Кодзин, литературу конца XX века и литературу эпохи Эдо (“гэсаку”, XVIII–XIX вв) роднит в первую очередь их легкость, внешнее отсутствие смыслов [4]. По мнению исследователя, современная литература Японии стремится к отрицанию и неприятию любого слова, отягощенного смыслом, слова становятся легкими, поверхностными. На протяжении 80 лет, начиная с эпохи Мэйдзи, литература Японии искала смысла, правды и объективности, чего никогда не было в XIX ст., в эпоху Эдо. Все, что не было “гэсаку” – развлекательной литературой, – растворялось и исчезало. Начиная с 1980-х годов можно проследить похожую тенденцию – современная литература Японии заметно стремится к легкости “гэсаку”. Однако было бы ошибкой оценивать литературный процесс Японии конца XX ст. так односторонне. Достаточно вспомнить произведения таких японских писателей, как Кобо Абэ (поздние романы, напр., “Вошедшие в ковчег”, 1984 г.), Кендзабуро Оэ (“Объяли меня воды до души моей”, 1973 г.), чтобы понять, что литературная панорама этого периода не менее проблемно насыщена и художественно сложна, чем в странах Запада (Курт Воннегут, Джон Барт, В. Гесс, Джон Фаулз, Вильям Голдинг и др.). В ней продолжают поиски новых художественных возможностей изображения мира и человека.

С другой стороны, на литературу Японии второй половины XX века несомненно влияют и современные культурные и литературные тенденции Запада. По мнению исследователя Миско Суваковича, американский постмодернизм и японский постмодернизм основаны на виртуальном пространстве (это, в первую очередь, пространство механических и цифровых производственных отношений) [9]. Виртуальное пространство, по определению исследователя, является “внеисторичным миром технологической реальности”³⁵:

---

³⁵ unhistorical world of technological reality [9].

(1) реальность, которая мимитично показывает модернистские и фактические изображения, погружая их в “экстаз массовых зрелищ”³⁶ и потребительской энтропии;

(2) реальность, которая является урбанизмом, не отличает экзистенциального, социального, эстетического и делового пространства от декораций для разнообразных действий персонажа (время постмодернистской “фикционализации” и нарраци становятся временем архитектурных и урбанистических преобразований обыденности).

Архитектурные, телевизионные, компьютерные, кинематографические и игровые фигуры внеисторично и вненационально накапливают эмоции присутствия разных культур (мультикультурализм). Так, например, американский вариант постмодернизма приводит к фрактализации мегаполиса, который вписывает отличия в каждый пункт искусства, расы и пола [9].

Японский постмодернизм, по мнению исследователя, создает свое постмодернистское пространство:

(1) конец европейской метафизики, который эхом отдается во многих проявлениях культуры (так, по словам исследователя, Хайдеггер присутствует так или иначе во многих пунктах японской философии и теории культуры);

(2) американское культурно-массовое зрелище превращает любое реальное пространство в кибер- или теле-пространство. Так, исследователь упоминает книгу³⁷ Сидни Шерман, в которой представлена Япония, моделирующая искусственные тела из частей монстров и кукол, лица которых представляют собой смесь западных и восточных черт, а также моделирующая “существ” за гранями реальности биологической онтологии [9];

(3) японское (дзэнское) погружение в трансцендентальный звук природы (звук хлопка; черное зеркало Будды; ни концептуализация, ни неконцептуализация сатори; садовый домик, в котором граница между внутренним и внешним миром исчезает).

Таким образом, японский, как и американский, постмодернизм устанавливает идеологию как парадигматические методы зрелища, биополитики, кибер-пространства, урбанизма, транснациональной экономики и потребительского экстаза.

Зачастую японскую литературу периода появления постмодернизма, которая, на наш взгляд, не является откровенной данью массовой культуре, связывают с именами Иноуэ Хисаси и Цуцуи Ясутака. Эти писатели в своих произведениях одними из первых начали художественный эксперимент, соединяя язык и условности поп-культуры с умоглядными экспериментами в своей наррации, при этом все еще придерживаясь традиций, и повествовательных, и морально-этических.

³⁶ там же.

³⁷ Cindy Sherman “Species” (1991).

Прозаики, роженные после Второй мировой войны, такие, как Харуки Мураками, Цусима Юко, Рю Мураками, Банана Ёсимото, заметно отошли от проблематики поисков смысла человеческого существования, что было характерно Кобо Абэ, Дадзай Осаму, Кендзабуро Оэ. Исследователь М. Нумано отмечает, что в это время японская литература в какой-то степени утрачивает традиционную “тяжесть”, становясь “легкой”. То есть, появляется проза, которая пишется как будто бы “ни для чего” (под этим прежде всего подразумевается отсутствие высоких смыслов), для развлечения: “высокая литература” таких корифеев как Ясунари Кавабата и Танидзакки Дзюньитиро уходит в прошлое, уступая место “беллетристике”. По мнению исследователей, характерными чертами новой литературы, выступают бездействие, ломка традиционных ценностей (причем, по свидетельству А. Галлиарди не только японских, но и западных [2]), намеренная углубленность в повседневность и детали быта. Высокоразвитое общество потребления в произведениях современных японских писателей представлено огромным числом брендов и фирменных названий. Новая японская литература, по сравнению с прежним периодом, приобретает “легкий”, “рассеянный” стиль, который, как отмечает М. Нумано, создавался под влиянием американской литературы [13]. “Блаженная бессобытийность или, как писали критики советских времен, “бестемье” становится главным содержанием японской прозы. Затухание социально-политических колебаний неминуемо влечет за собой “стирание граней” между полами: феминизацию мужчин и маскулинизацию женщин”, – такими словами Г. Чхартишвили характеризует современную японскую прозу [15].

Именно писатели нового поколения, такие как Х. Мураками, Р. Мураками, Я. Танака, Б. Ёсимото, М. Симата, К. Маруяма, по мнению критиков, являются носителями постмодернистского сознания и создают литературу, во многом ориентируясь на современные концепции американского постмодернизма (смерть субъекта, отказ от содержательной глубины, пародийность, интертекстуальность, гипертекстуальность, ирония и т.д.).

По утверждению видного специалиста-востоковеда Н.И. Конрада, весь ход развития новой японской культуры всегда обнаруживает точки сопротивления с различными умственными течениями Запада [11]. Уже в 30-х гг. это заявлял профессор Н.И. Конрад, имея в виду новую культуру Японии эпохи Мэйдзи, влияние которой заметно и на современную литературу Японии.

Изученный материал свидетельствует, что феномен постмодернизма в Японии не был воспринят однозначно. Одни исследователи сочли его за освободительную силу, которая подвергает деконструкции все иерархические системы. Другие же негативно отозвались об этом культурном явлении, увидев в нем лишь отказ от гуманистической проблемности и глубины изображения мира и человека. Упрощенность такого взгляда опасна: многие значительные произведения могут быть остаться незаслуженно отвергнутыми.

Література

1. Azuma Hiroki. Superflat Japanese Postmodernity [Електронний ресурс] / Hiroki Azuma. – Режим доступа : http://www.hirokiazuma.com/en/texts/superflat_en1.html2.
2. Gagliardi A. Postmodernity in Recent Japanese Literature and Science [Електронний ресурс] / A. Gagliardi. – Режим доступа : <http://psychology.rutgers.edu/~eklypse/Postmodernity.pdf>.
3. Hassan I. Toward a Concept of Postmodernism / I. Hassan // Hassan I. The Postmodern Turn. – Columbus : Ohio State University Press, 1987.
4. Karatani Kojin. Edo Exegesis and the Present / Kojin Karatani // Michele Marra. Modern Japanese Aesthetics : a Reader. – University of Hawai Press, 1999.
5. Karatani Kozin. Origins of Modern Japanese Literature / Kozin Karatani. – Duke University Press, 1993.
6. Nagaïke Kazumi. Gender trouble in contemporary Japanese literature : Kurahasi Yumiko, Yoshimoto Banana, Murakami Haruki / Kazumi Nagaïke. – 大分大学留学生センター, 2005.
7. Odin S. Derrida & the Decentered Universe of Chan-Zen Buddhism / S. Odin // Journal of Chinese Philosophy 17. – 1990. – P. 61–86.
8. Stanchfield N. Postmodernity and Otaku [Електронний ресурс] / N. Stanchfield. – Режим доступа : <http://globalcollegejapan.org/behind-the-mask-student-work/postmodernity-and-otaku/>.
9. Suvacovic Misco. Apocalyptic spirits : art in postsocialist era / Misco Suvacovic // Pavilion. Contemporary art and culture magazine : what was socialism and what comes next?. – № 10–11. – 2010. – P. 134–141.
10. Wolfe Alan. "Suicide and the Japanese Postmodern : a Postnarrative Paradigm?" : in Postmodernism and Japan / Alan Wolfe ; [eds. Miyosi Masao and H. D. Harootunian]. – Durham : Duke University Press, 1989.
11. Конрад Н. И. Очерки японской литературы / Н. И. Конрад. – М. : Худ. лит., 1973.
12. Барт Р. Империя знаков / Р. Барт ; [пер. с франц. Я. Г. Бражниковой]. – М., 2004. – С. 87–109.
13. Нумано М. Предисловие / М. Нумано ; [пер. с яп.] // Он : сб. новелл. – М. : Иностранка, 2001. – 540 с.
14. Философия XX века : учебное пособие. – М. : ЦИНО общества "Знание" России, 1997. – 288 с.
15. Чхартишвили Г. Девочка и медведь / Г. Чхартишвили ; [пер. с яп.] // Она : сб. новелл. – М. : Иностранка, 2001. – 526 с.

Аннотация

В статье анализируются основные понятия японской постмодернистской культуры и литературы; рассматривается их основной парадокс: языковые, эстетические и литературные аналогии можно найти в премодернистской (Эдо) и постмодернистской (современной) Японии. В статье рассмотрены современные теоретические дискуссии, которые повлияли на развитие современной японской литературы.

Ключевые слова: постмодернизм, ирония, современная японская литература, глобализация, унификация, культура эпохи Эдо.

Анотація

У статті проведено аналіз основних понять японської постмодерністської культури та літератури і репрезентовано їх основний парадокс: мовні, естетичні і літературні аналогії, які можна знайти в премодерністській (Едо) і постмодерністській (сучасній) Японії. В роботі також проаналізовано загальні концепції, що вплинули на розвиток сучасної японської літератури.

Ключові слова: постмодернізм, іронія, сучасна японська література, глобалізація, уніфікація, культура епохи Едо.

Summary

The article deals with the analysis of the main concepts of Japanese postmodern culture and represents its major paradox: analogies in language, aesthetics and literature that can be found in premodern (Edo) and postmodern (contemporary) Japan. The work also focuses on literary theories that influenced the development of contemporary Japanese literature.

Keywords: postmodernism, irony, modern Japanese literature, globalization, unification, Edo culture.

УДК 821.161.2

Тимошенко Т.С.,
аспірант,
Харківський національний
університет ім. В.Н. Каразіна

“КИЇВСЬКИЙ” ТЕКСТ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНОГО РОМАНУ В. ДОМОНТОВИЧА “ДІВЧИНА З ВЕДМЕДИКОМ”

У вітчизняній історії становлення й розвитку модернізму в мистецтві творча спадщина В. Домонтовича посідає особливе місце. Художні тексти письменника досить часто, особливо в останнє десятиліття, ставали об'єктами літературознавчих досліджень вітчизняних науковців. Аналізу піддавалися творче світосприйняття прозаїка в контексті експериментальної естетики першої третини ХХ століття (В. Агеєва, С. Павличко, Р. Горбик); жанрова специфіка (О. Боярчук, Т. Белімова), інтертекстуальність (Н. Мішеніна, Ю. Рибалко) та екзистенційна проблематика текстів (І. Васишин). Об'єктом дослідження філологічних наукових студій виступає велика проза В. Домонтовича, зокрема, роман “Дівчина з ведмедиком”.

Глибокий філософський підтекст твору та “зашифроване” у ньому екзистенціальне світобачення письменника дають підстави розглядати роман “Дівчина з ведмедиком” як зразок української модерністської прози 20–30-х років ХХ століття в нерозривній єдності із загальносвітовими, зокрема європейськими мистецькими тенденціями. В. Домонтович, будуючи “текст у тексті”, активно використовує прийом “перерозподілу меж між сферами реального та нереального, що реалізується шляхом привнесення “чужого слова”, матеріалізованого алюзіями, ремінісценціями та цитатами” [11, 9]. Побудований на осі перетину традицій і новаторства, твір засвідчив схильність автора до експериментаторства як до головного чинника оновлення літератури.

Авангардними (у вузькому сенсі) щодо змістово-формотворчих особливостей тексту можна вважати свідомий відхід автора від принципів канонізованого на той час виробничого роману, інтелектуалізацію оповіді, феміністичний дискурс, формування нового типу персонажу, котрий не піддається аналізу з позиції суто позитивного/негативного начала. Суперечки щодо стильової приналежності прози письменника тривають і досі. Думки дослідників розходяться у визначеннях, але можна виокремити декілька, на нашу думку, найбільш обґрунтованих. Свого часу